

Е. А. Попов (Барнаул), А. Х. Бугазов (Бишкек)

А ЕСТЬ ЛИ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА?

Поводом для написания данного материала стал выход в свет монографии С. А. Бочкарева «Философия уголовного права: постановка вопроса» [1].

Отметим, что значимость философии права видится прежде всего в том, что данная область знаний оперирует не только нормами, что более всего характерно для правовой науки, но и ценностями, которые отражают коллективное и индивидуальное бытие человека. Это свидетельствует об особом положении философии права в изучении правовой жизни человека и общества. С этой точки зрения философия права оказывает существенную поддержку любой из отраслей юридической науки. Смысл такого взаимодействия заключается в том, что юристу, выходящему за рамки нормативности и нормативного подхода в оценках права и правовой реальности в целом, предстоит серьезный аксиологический анализ юридических установлений. И в этом случае философия права помогает взглянуть на норму права под иным углом зрения — не только как императивное образование, придуманное законодателем, но и как неотъемлемую часть ценностно-нормативного комплекса. А этот комплекс уже имеет отношение к человеческой культуре, что само по себе имеет непреложную ценность и высоту. Поэтому знание философии права позволяет любому исследователю, имеющему дело с правовыми нормами, проникнуть в глубь культуры и там отыскать истоки нормообразования. В свою очередь, это имеет значение для понимания истинности и ложности, добра и зла, свободы и несвободы и иных состояний и свойств в применении правовых норм или в отношении к ним.

Если философия права вполне сложилась как цельная научная область, то попытки дифференцировать ее на различные «подотрасли» главным образом в угоду или на основании отраслевого деления юридической науки не всегда выглядят убедительными и целесообразными. Главным аргументом здесь может служить то, что такие «философии права» (например, философия уголовного права) часто не имеют своей собственной уникальной теоретико-методологической базы в границах философии и к тому же зачастую оперируют категориями и понятиями преимущественно из юриспруденции. Вместе с тем следует признать возможность и допустимость дальнейших разработок в этом направлении, чтобы получить дополнительные веские доводы

в пользу концептуализации философии той или иной отрасли права. В этом ракурсе выход в свет монографии «Философия уголовного права: постановка вопроса» можно признать и своевременным, и важным, поскольку продолжает традицию отыскания четких оснований выделения философии уголовного права в самостоятельную область науки. Примечательно, что автор монографии не исключает возникновения ситуации, когда может потребоваться своего рода оправдание «необходимости философского измерения уголовно-правовой реальности» [1, с. 14]. Но, разумеется, помимо этого автором вносится новая нота в интерпретацию богатого наследия философии права, и это достижение, пожалуй, более значимое, нежели закрепление научного статуса философии уголовного права. Представляется, что «постановка вопроса» произошла в силу того, что автор научного труда, являясь прежде всего профессиональным юристом, поставил серьезную цель перейти с поля доминирующего в юридической науке нормативистского подхода в пространство социокультурного анализа. Нужно признать, что для юридической науки это нетривиальный путь, а для философии уголовного права — принципиальный, так как правовые доминанты отрасли уголовного права должны уступить место ценностно-нормативному пониманию развития конкретной отрасли права.

Программные акценты, сделанные автором монографии во введении, позволяют рассчитывать на то, что мы имеем дело не с дескриптивным исследованием и все же более чем с «постановкой вопроса». Иначе следующее суждение, которое мы встречаем во введении: «Соизмерение и противопоставление уголовно-правового знания и философского опыта имеют под собой онтологическое основание» [1, с. 20] и которое само по себе способно увести нас дальше «постановки вопроса», не приобретает столь значимого в контексте монографии звучания. Между тем автор предполагает, что в границах метафизического опыта философия права способна «определить пределы уголовно-правового взгляда» [1, с. 22] и вынести оценки уголовно-правовой реальности. Данный ракурс понимания права и какой-либо правовой реальности представляется небезынтересным, а сказать иначе: довольно волнующим, поскольку открывает реальные перспективы надюридической (или даже субстанциальной) интерпретации правовой реальности. Это направление, нехарактерное для актуальной философии права, можно признать стержнем или фундаментом философско-правовой рефлексии. Автору, который обратил на это внимание, явно не все равно, в каком ценностно-смысловом поле будет оцениваться состояние и разви-

тие права. И большая удача науки, если это поле займет именно философия права.

От вдумчивого и основательного экскурса в историю и описания современного состояния философии уголовного права автор монографии С. А. Бочкарев переходит к той части работы, в которой особое место занимает рефлексия по поводу уголовно-правовой действительности. Отмечаются, например, «пороги» и «пороки» научного познания уголовно-правовой реальности. Строго говоря, мы не являемся поклонниками навешивания ярлыков научного или же какого-либо иного кризиса, так как под кризисом часто на самом деле маскируются иные свойства объекта, углубляться в изучение которых не всегда достаёт времени и желания. Но в данном случае автору монографии удалось представить убедительные доводы относительно кризисности уголовного права, причем аргументы как сугубо юридического характера, так и философского. В связи с этим трудно что-либо противопоставить следующему суждению, прозвучавшему в монографии: «Представители научного сообщества не готовы мириться с обезнучиванием законодательного процесса, что, безусловно, заслуживает признания и всяческой поддержки. Возможно, своей непримиримостью они стремятся решить до сих пор актуальный для современной науки вопрос о выживании и сохранении» [1, с. 132].

Концептуализация философии уголовного права, как видно из монографии, происходит в условиях дифференциации или даже противопоставления взглядов «теоретиков» и «практиков». Разумеется, в стане и тех, и других сформированы и культивируются иногда очень стереотипные представления о сущности и развитии уголовно-правовой отрасли, соответствующей ей научной сферы и учебной дисциплины, а также возникают мнения и оценки по поводу философии уголовного права. Справедливо в связи с этим звучит наблюдение автора монографии: «Отличие позиций практиков и теоретиков права налицо. Соприкосновения их взглядов не просматривается. Емкая аргументация, основанная на длительном отслеживании и анализе эмпирических данных, внимании к широкому кругу криминологических показателей, не убеждает представителей науки. Они считают, что для итоговых выводов о стабильном и позитивном развитии социально-правовых процессов в целом и уголовно-правовых в частности не имеется достаточных оснований» [1, с. 144]. Полагаю, что и «теоретикам», и «практикам» может недоставать аргументов, когда речь заходит о философии уголовного права. Причина этого кроется в неизбежности возвращения к особенностям уголовного права как юридической отрасли и даже уголовного закона как концепции

уголовной политики государства. Даже философам может потребоваться уход из поля собственно философии в уголовное право. В этих случаях важное значение приобретает возврат к скрепляющим обществу ценностям права, как отмечает С. А. Бочкарев. Как раз этот момент может стать определяющим в продолжении судьбы всей философии уголовного права.

На наш взгляд, самой любопытной частью рецензируемой монографии является ее финальная глава под названием «Потенциал философского измерения уголовного права». Измерение, конечно, понятие философии не совсем принадлежащее, однако оно точно отражает суть проблемы. А вот «метафизика уголовного права», о чем здесь идет речь, может стать своего рода «философией в философии» или гимном именно философии уголовного права. «Заявленная тема, — как пишет автор монографии, — на первый взгляд может показаться несостоятельной» [1, с. 273]. Действительно, определенный скепсис возникает, но только лишь при восприятии заголовка, апеллирующего к метафизике. С содержательной позиции С. А. Бочкареву удалось в философском измерении уголовного права продвинуться так далеко только потому, что он отвлекся от довлеющего над любым исследователем нормативизма в понимании уголовного права и не остановился перед сложностями, почти всегда дающими о себе знать, когда даже вскользь упоминается метафизика. Трудно себе представить связь человека, имеющего какое-либо отношение к уголовному праву или его нормам (например, практикующего юриста или законодателя), с метафизикой. Между тем автор монографии почувствовал необходимость в установлении этой связи и явно не ступешался перед «метафизикой уголовного права», таящей в себе загадки. Отчасти эти загадки способна разрешить герменевтика, потенциал которой автор также привлекает для понимания уголовного права, а точнее, его философского измерения. Полагаем, что в этом ключе С. А. Бочкарев сумел найти верный подход к философии уголовного права и выполнил свою, пожалуй, главную задачу — предпринял не только «постановку вопроса», но и предложил верные и довольно перспективные направления дальнейших исследований в границах философии уголовного права и междисциплинарного осмысления уголовной политики.

Библиографический список

1. Бочкарев С. А. Философия уголовного права: постановка вопроса : монография. М., 2019.